



Философская подоплека одного скандала (Вяч. Иванов, Эдуард фон Гартман и «вселенское сораспятие»)

© 2021, М. Вахтель

Принстонский университет, Принстон, США

Аннотация: В центре внимания автора статьи скандально известная сцена жертвоприношения, случившаяся на квартире Николая Минского в мае 1905 г. Эта сцена рассматривается как прямое отражение философских и религиозных убеждений Вячеслава Иванова. Автор показывает, что «шокирующее» поведение Иванова, столь испугавшее современников, полностью вписывается в его общее миропонимание, четко выраженное в его статьях, исследованиях и стихотворениях того времени. Особое внимание уделяется понятию «вселенское сораспятие», восходящему к Новому Завету через посредничество немецкого философа Эдуарда фон Гартмана. В заключении статьи поднимается вопрос о возможном применении того же понятия к личным отношениям Иванова и его жены, Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал.

Ключевые слова: русский символизм; Вяч. Иванов; Эдуард фон Гартман; жертва; сораспятие.

Информация об авторе: Майкл Вахтель — доктор филологических наук, профессор, Принстонский университет, 225 East Pyne, 08544, Принстон, США. Email: wachtel@princeton.edu.

Для цитирования: *Вахтель М.* Философская подоплека одного скандала. (Вяч. Иванов, Эдуард фон Гартман и «вселенское сораспятие») // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 286–296. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-286-296>

В известном письме к А.А.Блоку от 9-10 мая 1905 г. Е.П. Иванов описывает события, свидетелем которых он не был и быть не хотел. «Я очень благодарю Бога, что не пошел. Это было бы для меня ужасно. Очень рад, что несколько удалось, но масса здесь бесовщины и демонически-языческого ритуала, кровь проливают. Главное, что всё совершенно всё же вне Христа...» [3, с. 65]. И не один Е. Иванов страшился происхо-

дящего. Сходное отношение было и у другого потенциального участника, А.М. Коноплянцева, вспомнившего много лет спустя: «Приглашали и меня, но я испугался и не пошел» [11, с. 337].

Что же произошло? 2 мая 1905 г. в квартире у Николая Минского к полуночи собрались поэты и философы символистского круга. Цель их встречи была глубоко религиозной — «найти единство веры» и «почувствовать богобратство и богосестринство свое» [3, с. 63]. Однако, выбрали они крайне своеобразные приемы. Сначала ели и пили чай с печеньем. Потом пошли в зал и взялись за руки. Долго сидели. Затем вышли в другую комнату и стали «кружиться». А после этого началась главная часть действия — жертвоприношение. Молодой еврейский музыкант вызвался добровольцем. Укололи его руку, смешали в чаше его кровь с вином, и каждый из присутствовавших выпил из чаши. Затем участники действия вышли из дома на набережную при свете кончающейся белой ночи и почувствовали близость и единство.

Этот «скандальный» ритуал послужил Александру Эткинду наглядной иллюстрацией сектантского влияния на русскую культуру в начале XX века. Эткинд подчеркивал многочисленные элементы сцены, связанные с «радением», т.е. с народным — не церковным — богослужением [13, с. 10–12]. Для фольклориста Александра Панченко собрание являлось «заключительным аккордом в истории метаморфоз легенды о кровавой жертве у русских мистических сектантов», хотя бы в «книжном» контексте [10, с. 160, 161].

Вслед за Эткиндом и Панченко мы будем отталкиваться от отчета Е.П. Иванова как самого подробного и достоверного источника. Хотя Е.П. Иванов не присутствовал на действе и не сочувствовал его участникам, он написал свое письмо через несколько дней после этого события и передал происходившее со слов свидетельницы, падчерицы В.В. Розанова, находившейся там вместе с отчимом. Нет основания полагать, что Иванов нарочно исказил смысл происшествия, в отличие от Розанова, реконструировавшего события много лет спустя сквозь призму антисемитских предубеждений.

Эткинд и Панченко ставят акцент на фольклорной стороне ритуала, мы же остановимся на его философской подоплеке. Сначала обозначим важные для нашей трактовки моменты. Во-первых, как недвусмысленно указывает Е.П. Иванов, главным героем действия безусловно являлся Вяч. Иванов. Розанов, объясняющий шокирующий ритуал «атавизмом» евреев и тем самым защищающий свою черносотенную позицию в деле Бейлиса, лишь вскользь упоминает Иванова¹. Для него виновники всего —

¹ Подробный анализ взглядов и мотивации Розанова дает Ольга Матич: [19, р. 260–262].

Минский и его жена. «Замечательно, однако, что мысль о причащении человеческою кровью возникла не у кого-либо из русских, не в русской голове и мозгу (ни в одном русском литературном доме ничего подобного я не слышал!), а именно в доме *еврейском, в обществе* по преимуществу *еврейском* и в *мозгу еврейском...*» [11, с. 337]². Между тем, как следует из письма Е.П. Иванова, Минский сыграл здесь второстепенную роль. «У Минского, по предложению Вячеслава Иванова и самого Минского, было решено произвести собрание». Уже в самом начале описания Минский упомянут на втором месте. И по ходу рассказа Минский как будто исчезает, а Иванов все больше проявляется, становясь самым деятельным участником всего действия. Прочитируем письмо Е.П. Иванова: «Больше всего делал и говорил Иванов. Он был чрезвычайно серьезен, и только благодаря ему всё могло удержаться». Когда молодой человек согласился взять на себя роль жертвы, именно Иванов напутствовал его. «Иванов подошел и говорил: “Брат наш, ты знаешь, что делаешь, какое дело великое” и т.д.» Наконец, именно Иванов принял самое активное участие в развязке всего ритуала: «Но вот наступила минута сораспинания. Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, что потому что закрыла глаза, похолодев, и не видела, что они делали. Потом догадалась. Кажется, Иванов с женой разрезали жилу под ладонью у пульса, и кровь в чашу... Дальше показания путаются. Но по истерическим выкрикиваниям жены Розанова если судить, то этой крови все приобщились, пили, смешав с вином»³.

Впрочем, мы вправе сомневаться в том, что Иванов с женой «разрезали жилу у пульса». Напомним, что очевидец перестал смотреть именно в этот момент. Скорее всего, все было не столь жутко. Обратим внимание на то, как приводится эта деталь у Розанова (с характерным акцентом на Минского и евреев): «Но я помню вытянутое и смешное лицо еврея-музыканта N и какой-то еврейки, подставлявших руку свою, из которой, кажется, Минский или кто-то “по очереди” извлекали то булавкой, то перочинным ножиком “несколько капель” его крови, и тоже крови той еврейки, и потом, разболтавши в стакане, дали всем выпить. “Гостей” было человек 30 или 40...» [11, с. 337]. Ошибки Розанова опять показательны: мы знаем из письма, что «еврейки» вообще не было, был только еврей-музыкант. Мы знаем также, что Минский был тут ни при чем, что Иванов с женой руководили действием. И судя по письму

² Впрочем, легенды о «кровавом навете» ходили и о русских сектантах [10, с. 153–158]. Пишущий эти строки обсуждал с Н.А. Богомоловым тему настоящей заметки. Пользуемся случаем, чтобы процитировать из его электронного письма от 15 августа 2017 г.: «“Сахарну” посмотрел. Увы, это тот Розанов, которого я не выношу. И вообще я не очень понимаю этого нынешнего расхождения мыслей о Розанове: то он антисемит, то филосемит».

³ [3, с. 65]. Александра Михайловна — падчерица Розанова.

Е.П. Иванова, человек было примерно 15, а не 30 или 40. Однако, гораздо правдоподобнее предположить, что в процессе жертвоприношения кровь была добыта с помощью булавки, а не разрезания вены ножом, как «догадалась» свидетельница⁴. Главное, что здесь имеет место символический жест, а не желание причинить боль.

Тем не менее показательным, что свидетельница, даже когда она закрыла глаза, указала не на Минского, а на Вяч. Иванова и его жену как на ответственных исполнителей. Трудно поверить, что другой человек заменил супругов в кульминационный момент жертвоприношения. Такой «сдвиг» смог случиться только в воображении Розанова, столь убежденного в существовании ритуала «причащения человеческою кровью» у евреев [11, с. 337].

Если А. Эткинд прав и все «радение» было основано на практике русских сектантов, то, спрашивается, откуда Вяч. Иванов почерпнул такие знания? Известно, что Иванов был отлично осведомлен в науке о ритуалах в древней Греции и что он увлекался вопросами ритуалов до конца своей жизни [5; 14, р. 47–84]. Однако, он знал о русских традициях больше в теории, чем на практике. Сам Эткинд указывает на его «тяжкую ошибку» в трактовке выражения сектантов «ты более, чем я» [13, с. 210]. Характерно и забавно, что Иванов, столь ценивший идею русской народности, даже не был в традиционной деревенской бане до 1907 г., когда он попал в Любавичи [4, с. 208].

Чтобы понять случившееся на квартире у Минского, нам кажется целесообразнее обратить внимание на то, что сам Иванов думал и писал в это время. Прочитируем отрывок из его статьи «Новые маски», написанной в 1904 г. в качестве вступления к драме «Кольца» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал⁵. Забегая вперед, скажем, что нас будут интересовать не столько размышления о трагедии, сколько утверждения о воспитании современного человека:

Нам, воспитавшимся на идеях Достоевского о круговой поруке всего живущего, как грешного единым грехом и страдающего единым страданием, на идеях Шопенгауэра о мировой солидарности, — на этих прозрениях в таинство всемирного распятия (по слову Гартмана) и в нрав-

⁴ Косвенное подтверждение этого допущения мы находим в мемуарах Андрея Белого, узнавшего обо всем понаслышке и написавшего лет через 30 после событий: «В каком-то салоне кололи булавкой кого-то и кровь выжимали в вино, называя идиотизм “сопричастием” (слово Иванова)» [2, с. 176]. Белый был, скорее всего, прав, указав на булавку. Однако, как мы увидим ниже, речь шла скорее всего не о «сопричастии», а о «сораспятии».

⁵ Как указывает Н.А. Богомолов [4, с. 110], статья была написана 7-8 июня 1904 г., т.е. за 11 месяцев до собрания у Минского.

ственный закон сострадания, как сораспятия вселенского, — трагическая Муза говорит всегда о целом и всеобщем, являет своих героев в аспекте извечной жертвы и осиявает частный образ космического мученичества священным литургическим венцом [6, т. 1, с. 48].

Нетрудно заметить в этом отрывке два слова — «жертва» и «сораспятие», — являвшихся ключевыми в описании Е.П. Ивановым «скандальной сцены» у Минского. Первое слово вряд ли удивит тех, кто хотя бы поверхностно знаком с творчеством Вяч. Иванова. Оно встречается сплошь и рядом в его статьях и стихах того времени. Второе слово, напротив, редкое даже у Иванова. (Правда, у Е.П. Иванова «сораспятие», а у Вяч. Иванова «сораспятие», но разница здесь не существенная.)

Именно эти два слова повторяются в другом тексте, написанном почти в то же время, когда разыгрывалась сцена у Минского. В знаменитой заключительной части «Эллинской религии страдающего Бога» Иванов сближает религию Диониса с христианством и называет Христа «обновленным Дионисом».

Человеческий дух должен был остаться один на один с Христом, чтобы преисполниться созерцанием Его крестной жертвы. И жертва была продолжена, и природа была мертва, как в прообразе зимних страстей и смерти Диониса. Человеческий дух должен был сораспяться Христу и, соединившись с Ним, принять Его стигмы. Только в этом высшем таинстве слияния дано было человеку снова ощутить всеединство, как причастие распятию вселенскому ⁶.

В статье «Новые маски» Иванов называет учителей своего поколения, властителей дум, ведущих его (или «нас») к центральному понятию «сораспятия вселенского», причем в ряду этих мыслителей Эдуард фон Гартман занимает главное и немного загадочное место. Высказывания Достоевского и Шопенгауэра общеизвестны, а «крылатое слово» Гартмана вряд ли знакомо читателю. В свою очередь, словосочетание «таинство всемирного распятия» (или, может быть, только «всемирное распятие») очень близко к окончательной формулировке «сораспятие вселенское» самого Иванова ⁷. Спрашивается, что именно сказал Гартман по этому поводу? Образцовые комментарии к недавно вышедшему тому малого

⁶ [8, с. 197]. Эта глава исследования впервые была опубликована в июльском номере «Вопросов жизни» за 1905 год.

⁷ Ср. письмо Е.П. Иванова: «... и вот еще что было предложено В. Ивановым — самое центральное — это “жертва”, которая по собственной воле и по соглашению общему решает “сораспяться вселенской жертве”, как говорил Иванов» [3, с. 62].

собрания сочинений Иванова в этом случае нам мало помогают. Приведенное комментаторами предложение из Гартмана, на наш взгляд, не совпадает с тем, что пишет о нем Иванов [6, т. 2, с. 150].

Сегодня Гартман забыт⁸, а в свое время он слыл великим философом. Он писал на самые разные темы и был до такой степени плодовитым, что найти определенное словосочетание в его наследии — задача затруднительная⁹. Не мудрено, что комментаторы до сих пор не смогли его обнаружить. Хотя нам и не удалось найти точное выражение «таинство всемирного распятия», идея о всемирном распятии встречается несколько раз в сочинениях Гартмана. Ниже мы приведем два отрывка, близких к тому, что приписывает ему Иванов. В «Письмах о христианской религии», впервые опубликованных в 1870 г. под псевдонимом, есть такой отрывок:

Der Christ aber muss vor allen Dingen nicht mehr sich selbst leben (2. Kor. 5, 15), sondern sein Fleisch samt den Leidenschaften und Begierden kreuzigen (Gal. 5, 24), so dass ihm die Welt gekreuzigt ist und er der Welt (Gal. 6, 14)¹⁰.

Христианин, напротив, должен прежде всего жить не для себя (2. Кор. 5: 15), но распять свою плоть вместе со страстями и желаниями, чтобы весь мир для него был распят и для всего мира он был распят (Гал. 6:14).

В монографии 1882 г. «Религиозное сознание человечества» есть сходное утверждение:

Wer an Christum glaubet, der soll auch gleich ihm und mit ihm im Fleische gekreuzigt sein, um hinfort nur ihm in ihm und mit ihm zu leben (Röm. 6, 4-11; 2 Kor. 5, 14-15) <...>Der mit Christo Gekreuzigte ist der Sünde abgestorben (Röm. 6, 6 u. 10), überhaupt der Welt (im Sinne des Sündenschauplatzes) gekreuzigt und abgestorben<...> [17, S. 578].

Кто верит в Христа, тот должен, подобно ему, вместе с ним быть распятым во плоти, чтобы жить отныне для него, в нем и с ним (Рим. 6: 4-11; 2 Кор. 5: 14-15) <...> Распятый с Христом мертв грехам (Рим. 6: 6 и 10), вообще распят и мертв миру (в смысле места, где совершаются грехи).

⁸ Единственная современная монография о нем начинается словами: «Eduard von Hartmann gehört zu den vergessenen Philosophen.» («Эдуард фон Гартман принадлежит к забытым философам»): [21, S. 6].

⁹ Полная библиография его трудов занимает двадцать страниц: [16].

¹⁰ [20, S. 153]. Переиздания вышли уже под именем Гартмана и под названием «Das Christentum des Neuen Testaments» (Христианство Нового Завета).

В обоих этих текстах фигурируют слова «распятие» и «мир», причем в первом сам мир как будто распят. Однако, Гартман ничего не пишет о «таинстве мирового распятия». Наоборот: он просто повторяет формулировки из Нового Завета, смысл которых состоит в том, что для настоящего христианина распятие означает отказ от мира сего и от его тщеты. Этот мир грехов «распят для него», потому что христианин с ним уже не связан. Другими словами, настоящий христианин чужд миру, и мир чужд ему.

Не исключено, что более усидчивый ученый когда-нибудь найдет именно то «крылатое слово», на которое ссылается Иванов. Но после долгих поисков мы пришли к предварительному заключению, что Иванов не точно цитирует Гартмана и не совсем точно трактует его. Как бы то ни было, следует иметь в виду, что Гартман представляет собой только третий и предпоследний шаг к «нравственному закону сострадания, как сораспятия вселенского», по мнению Иванова, характеризующему духовные предпосылки современного человека.

Стоит подчеркнуть, что глагол «сораспять» (гр. *συσταυρόω*) библейски окрашен. Он употребляется несколько раз в Новом Завете, в том числе в послании Павла о «распятом с Христом» (Рим. 6:6), на которое указывает Гартман во втором приведенном выше отрывке. Правда, в немецкой Библии слово «сораспятие» прямо не передается, но Иванову безусловно был знаком греческий оригинал¹¹. Примечательно, что Иванов добавляет еще один мистический оттенок к библейскому образу. По слову Павла (и согласно трактовке Гартмана), настоящий христианин отчуждается от мира и мир отчуждается от него. По Иванову, есть некая таинственная связь всего сущего, и распятие примиряет всех нас с мирозданием, т.е. мироздание как будто страдает вместе с нами¹².

Примечательно, что понятие «сораспятие» уже использовалось Ивановым в поэтическом тексте. Речь идет о мистическом дистихе «*Tat twam asi*», опубликованном в вышедшем в декабре 1902 г. первом сборнике поэта «Кормчие звезды»¹³. Поскольку название дистиха прямо отсылает к «Упанишадам», очевидно, что мы вновь имеем дело со своеобразным сочетанием религиозных традиций.

¹¹ В русской Библии это слово появляется в Гал 2:19: «Я сораспаялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос».

¹² О значении спасения всего мироздания (*Universalerlösung, Welterlösung*) Гартман пишет многократно в книге «Религия духа», однако без ссылки на распятие: [18, S. 263–266]. Ср. [15, S. 179–180].

¹³ Неизвестно, когда Иванов написал стихотворение «*Tat twam asi*», но многое указывает на 1902 год, когда он изучал санскрит у Фердинанда де Соссюра в Женеве.

В страждущем страдаешь ты сам: вмести сораспяться живому.

В страждущем страдаешь ты сам: мужествуй, милуй, живи [7, с. 642].

Геннадий Обатнин указывает на еще одну важную для нас деталь. Скорее всего, дистих восходит не только к индуизму, но и к учению Шопенгауэра, увлекавшегося, как известно, «Упанишадами» и несколько раз ссылавшегося в своем главном произведении «Мир как воля и представление» на ключевое изречение «Tat twam asi» [9, с. 31].

Вернемся к странным событиям в квартире Минского. Мы попытались показать, что в их основе лежит не столько сектантское радение, сколько философская и мистическая традиция, построенная на идеях Достоевского, Шопенгауэра и — в своеобразном прочтении — Гартмана. При помощи жертвы Иванов хотел осуществить желаемое «сораспятие», тем самым стараясь превратить своих соратников в настоящую духовную общину. Такая идея соединения была очень дорога Иванову, поэтому представляется ошибочным трактовать произошедшее как «идиотизм» (слово Андрея Белого), «декадентскую чепуху» или «полную бессмыслицу»¹⁴. Второе подобное собрание так и не состоялось, но через несколько месяцев начался новый этап эксперимента — собрания на Башне¹⁵.

Впрочем, есть основание полагать, что Иванов воспринимал «сораспятие» лично, что оно было тесно связано с его отношениями с Зиновьевой-Аннибал. Само это понятие подразумевается в известной заключительной строке раннего сонета «Любовь» — «Мы — две руки единого креста». После смерти жены стихотворение оказалось пророческим и Иванов поставил его как магистрал в венок сонетов ее памяти. А «сораспятие» появляется в дневнике Иванова 1910 г., посвященном мистическому общению с покойной женой:

Будь губкой, втягивающей горечь мира, и уста твои станут устами Распятого за грех мира. По мере того как будет светлее становиться и прозрачнее мир, тебя окружающий, перед глазами твоими, — все реальнее будешь ты Христу сораспинаться¹⁶; тогда низойдет на тебя радость в Духе. И радостно будешь ты взирать на мир, ибо из его ран подымутся розы, и из тленья вылетят пчелы: так будет с тобой, если ты сделаешь своими язвы мира, и тлен его тленом своим [7, с. 807].

¹⁴ Ср. у Розанова: «Я в то время смотрел на “вечер” как на одно из проявлений “декадентской чепухи”, и кроме скуки он на меня другого впечатления не произвел» [11, с. 337]. «Полная бессмыслица» — выражение Роберта Бёрда [14, р. 12].

¹⁵ См.: [4, с. 115–198; 12; 1].

¹⁶ Грамматическое управление («сораспинаться» + дательный падеж) соответствует древнегреческому словоупотреблению в Новом Завете. Ср. вышеуказанный отрывок из «Эллинской религии страдающего бога».

На собрании у Минского в 1905 г. Иванов с женой хотели сотворить ритуал «сораспятия», а после потери ее он и без ритуала остался верен тому же философскому идеалу.

Литература

1. Башня Вяч. Иванова и культура серебряного века. СПб: Филологический факультет С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 384 с.
2. *Белый А.* Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. 670с.
3. *Блок А.А., Иванов Е.П.* Переписка (1904–1920) / сост., предисл., подгот. текста В.Н. Быстрова; коммент. В.Н. Быстрова при участии О.Л. Фетисенко. СПб: Пушкинский Дом, 2017. Т. 1. 217 с.
4. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Intrada, 2009. 296 с.
5. *Брагинская Н.В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова. // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 294–329.
6. *Иванов В.* По звездам. СПб: Пушкинский Дом, 2018. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 671 с.
7. *Иванов В.* Собрание сочинений. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.
8. *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. 221 с.
9. *Обатнин Г.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: НЛЮ, 2000. 237 с.
10. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
11. *Розанов В.В.* Сахарна. М: Республика, 2001. 459 с.
12. *Шишкин А.Б.* Симпосион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры / Альманах «Канун». Вып. 3. СПб.: Пушкинский Дом, 1998. С. 273–332.
13. *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М.: НЛЮ, 2013. 642 с.
14. *Bird R.* The Russian Prospero: The Creative World of Viacheslav Ivanov. Madison: U. of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
15. *Braun O.* Eduard von Hartmann. Stuttgart: Fr. Frommanns Verlag (E. Hauff), 1909. 261 с.
16. *Hartmann A.* Chronologische Übersicht der Schriften von Ed. v. Hartmann. // Kant-Studien. Philosophische Zeitschrift. 1912. S. 501–520.
17. *Hartmann E.* Das religiöse Bewusstsein der Menschheit. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1882. 627 p.
18. *Hartmann E.* Die Religion des Geistes. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1888. 328 p.
19. *Matich, Olga.* Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle. Madison: University of Wisconsin Press, 2005. 304 p.
20. *Müller F.A.* <= Hartmann E.> Briefe über die christliche Religion. Stuttgart: Kötzle, 1870. 280 S.
21. *Wolf J.C.* Eduard von Hartmann: Ein Philosoph der Gründerzeit. Würzburg: Königshausen & Neumann: 2006. 236 S.

Research Article

The Philosophical Subtext of a Scandal (Viacheslav Ivanov, Eduard von Hartman, and “Universal Co-crucifixion”)

© 2021, Michael Wachtel
Princeton University, Princeton, USA

Abstract: The essay examines the notorious sacrificial rite that took place in Nikolay Minsky’s apartment in May of 1905. The event is viewed as a direct reflection of the philosophical and religious convictions of Viacheslav Ivanov. Ivanov’s “scandalous” behavior, which so shocked and repulsed his contemporaries, fits in neatly with his general understanding of the world, which is clearly expressed in his essays, scholarly work, and poetry of that time. Special attention is given to the concept of “universal co-crucifixion,” which is derived from the New Testament through the mediation of the philosopher Eduard von Hartman. At the end of the essay the question is raised about the potential application of the same concept to the personal relationship of Ivanov and his wife, Lidia Dmitrievna Zinov’eva-Annibal.

Keywords: Russian Symbolism; Viacheslav Ivanov; Eduard von Hartman; sacrifice; co-crucifixion.

Information about the author: Michael Wachtel, Ph.D. in Comparative Literature, Professor, Slavic Department, Princeton University, 225 East Pyne, 08544, Princeton, NJ, USA. E-mail: wachtel@princeton.edu.

For citation: Wachtel, M. “The Philosophical Subtext of a Scandal (Viacheslav Ivanov, Eduard von Hartman, and ‘Universal Co-crucifixion’)”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 286–296. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-286-296>

References

1. *Bashnia Viach. Ivanova i kul'tura serebriannogo veka* [*The Tower of Viacheslav Ivanov and the Culture of the Silver Age*]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet S.-Petersburg Gos. Un-ta Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
2. Belyi, A. *Mezhdru dvukh revoliutsii* [*Between Two Revolutions*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 670 p. (In Russ.)
3. Blok, A.A.; Ivanov, E.P. *Perepiska (1904–1920)* [*A.A. Blok and E.P. Ivanov: Correspondence*], vol. 1, ed., introd. by V.N. Bystrova; comm. by V.N. Bystrov, O.L. Fetisenko. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 217 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Viacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Intrada Publ., 2009. 296 p. (In Russ.)
5. Braginskaia, N.V. “Tragediia i ritual u Viacheslava Ivanova” [“Tragedy and Ritual in the Work of Viacheslav Ivanov”]. *Arkhaischeskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh* [*Archaic Ritual in Folklore and Ancient Literary Works*]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 294–329. (In Russ.)

6. Ivanov, V. *Po zvezdam [By the Stars]*. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. Vol. 1, 431 p.; vol. 2, 671 p. (In Russ.)
7. Ivanov, V. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien, 1974. Vol. 2, 852 p. (In Russ.)
8. Ivanov, V. “Ellinskaia religiiia stradaiushchego boga” [“Hellenic Religion of the Suffering God”]. *Simvol*, no 64, 2014. 221 p. (In Russ.)
9. Obatnin, G. *Ivanov-Mistik: Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919) [Ivanov as Mystic: Occult Motifs in Viacheslav Ivanov's Poetry and Prose, 1907–1919]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 237 p. (In Russ.)
10. Panchenko, A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Flagellants and Castrates: Folklore and the Traditional Culture of Russian Mystical Sects]*. Moscow, OGI Publ., 2004. 541 p. (In Russ.)
11. Rozanov, V.V. *Sakharna [Sakharna]*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 459 p. (In Russ.)
12. Shishkin, A.B. “Simposion na peterburgskoi bashne v 1905–1906 gg.” [“The Symposium in the Petersburg Tower from 1905-1906”]. *Russkie piry [Russian Feasts]*. “Kanun”, t. 3. Saint-Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 1998, pp. 273–332. (In Russ.)
13. Etkind, A. *Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia [The Flagellant: Sects, Literature and Revolution]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 642 p. (In Russ.)
14. Bird, R. *The Russian Prospero: The Creative World of Viacheslav Ivanov*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
15. Braun, O. *Eduard von Hartmann*. Stuttgart, Fr. Frommanns Verlag (E. Hauff), 1909. 261 p. (In Germ.)
16. Hartmann, A. “Chronologische Übersicht der Schriften von Ed. v. Hartmann.” *Kant-Studien. Philosophische Zeitschrift*, 1912, pp. 501–520. (In Germ.)
17. Hartmann, E. *Das religiöse Bewusstsein der Menschheit*. Berlin, C. Duncker, 1882. 627 p. (In Germ.)
18. Hartmann, E. *Die Religion des Geistes*. Leipzig, Verlag von Wilhelm Friedrich, 1882. 328 p. (In Germ.)
19. Matich, O. *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle*. Madison, WI, University of Wisconsin Press, 2005. 304 p.
20. Müller, F.A. <= Hartmann E.> *Briefe über die christliche Religion*. Stuttgart, Kötzle, 1870. 280 p. (In Germ.)
21. Wolf, J.C. *Eduard von Hartmann: Ein Philosoph der Gründerzeit*. Würzburg, Königshausen & Neumann, 2006. 236 p. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 25.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 25.01.2021
Date of publication: 25.03.2021